

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

Марионеточник

МОСКВА
2024

ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ ТАТЬЯНЫ КОРСАКОВОЙ

Ничего личного	Смертельное танго
Хозяйка колодца	Ты, я и Париж
Третий ключ	Судьба № 5
Дом у Чертова озера	Хрустальное сердце
Пепел феникса	Миллионер из подворотни
Волчья кровь	Мужчины не плачут
Слеза ангела	Паутина чужих желаний
Печать василиска	Вранова погоня
Проклятый дар	Сердце ночи
Музы дождливого парка	Лабиринт Медузы
Самая темная ночь	Темная вода
Час перед рассветом	Снежить
Ведьмин клад	

ЦИКЛ «ТАЙНА ВЕДЬМЫ»

Не буди ведьму
Ведьмин круг
Беги, ведьма!

ЦИКЛ «ГРЕМУЧАЯ ЛОЩИНА»

Гремучий ручей
Шепот гремучей лощины
Усадьба ожившего мрака
Цербер-хранитель
Один сон на двоих

ЦИКЛ «СТРАЖЕВАЯ БАШНЯ»

Свечная башня
Светочи тьмы

ЦИКЛ «МАРЬ»

Марь
Марионеточник

ТАТЬЯНА
КОРСАКОВА

МАРИОНЕТЧИК

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К69

Дизайн обложки Е. Петровой

Редактор серии Е. Дмитриева

Корсакова, Татьяна.

К69 Марионеточник / Татьяна Корсакова. — Москва : Эксмо, 2025. — 416 с.

ISBN 978-5-04-206801-0

Бесконечно древняя рыба Марь, чешуя которой превратилась в камни, дремлет в бездонных водах... Лишь изредка открывается её глаз, чтобы тому, кого приметил, принести либо горе, либо счастье.

Вот и Стэф — умный, везучий, расчётливый, не знает, куда заведёт его поход по болотным хлябям. А девушка из давнего-давнего прошлого, всё зовёт и просит спасти, вырвать из снов древней рыбы, вернуть к жизни.

С каждой минутой поход становится всё опаснее — особенно с появлением на болотах зловещего персонажа по имени Марионеточник...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-206801-0

© Корсакова Т., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

Глава 1

Они выпили весь алкоголь, который привез из города Стэф. Или правильнее называть его Степаном? При чем шепотом и с восторженным придыханием! Арес на всякий случай уточнил. Потому что одно дело — планировать сомнительную авантюру с весьма обеспеченным, но ноунеймом, и совсем другое — расследовать дело почти столетней давности с самим Степаном Тучниковым!

— Называйте меня Стэфом, — ответил он, разливая по бокалам остатки вискаря и вина. Затем глянул на притихшую Аграфену и добавил: — И на «ты».

Она пожала тощими плечами.

— На «ты» так на «ты». В конце концов, не такой уж вы... не такой уж ты старый.

— Я вообще не старый, — усмехнулся Стэф, а потом добавил: — Разве что с точки зрения двадцатилетних девиц.

— С точки зрения двадцатилетних девиц, ты тоже еще ничего, — хмыкнула Аграфена.

Вот как у нее получалось общаться со Стэфом так легко, не заискивая и даже не заигрывая? А она не заигрывала. Арес был в этом почти уверен. И этот факт его почему-то радовал.

— Но бородень у тебя — отстой, — продолжила Аграфена, залпом допив вино. — Это типа для конспирации, да?

— Типа того, — усмехнулся Стэф. — Далекое не все такие зоркие, как ты, Феня.

Она снова пожала плечами.

— Суперспособность у меня такая — лица людей запоминать. С молодых ногтей за любой личиной вижу реального человека.

— Личина — это фигурально? — поинтересовался Арес.

— И фигурально, и буквально! В детстве кто бы в Деда Мороза ни нарядился, какую бы бороду ни нацепил, как бы голос ни менял, а я всегда знала, что Дед не настоящий, что это очередной папенькин знакомый. Даже обидно!

Аграфена осторожно поставила пустой бокал на перила.

— Чего тебе обидно, Аполлинария? — спросил Арес.

Она посмотрела на него с ленивым неодобрением. Злиться в этот благостный момент ей явно не хотелось. Впрочем, как и ему язвить. Как-то само собой получилось, по инерции.

— А того мне обидно, Павлуша, что не было в моем детстве чуда и настоящего Деда Мороза. Все дети как дети, а у меня постоянные сомнения и поиски истины.

— Хочешь сказать, Стэфа ты сразу раскусила?

Аграфена кивнула.

— Около ресторана, что ли, срисовала?

— Именно.

Стэф усмехнулся. И в этой усмешке Аресу снова почувствовался разговор. Но вечер был прекрасен, вискарь хорош, а компания душевна, и он промолчал. Впрочем, молчал недолго — любопытство взяло свое.

— Вот я одного не могу понять!

Аграфена и Стэф посмотрели на него выжидающе.

— Ты же олигарх, меценат и вообще легенда.

— Спасибо за столь лестную оценку.

— А разве олигархам, меценатам и легендам не положена толпа телохранителей?

— Может быть. — Стэф пожал плечами.

— Так почему ты поперся в эту глухомань один?

— Я не один. Я с тобой.

— Считаешь, этого достаточно?

— Для той жизни, которой я сейчас живу, вполне.

— Тебя в монастыре эти несколько лет держали? —

Арес решил, что обстановка вполне располагающая для расстановки всех точек над «і». — Ты ж пропал со всех радаров! Типа просветлялся и все дела?

— Типа того. Только для просветления монастырь — не обязательная опция. Есть много других интересных мест.

— Например?

— Ну вот хотя бы это! — Стэф кивнул в сторону болота, над которым уже сгущались сумерки. — Очень любопытное место, мне кажется.

— И тебя сюда тянет, потому что тут твои корни? — спросила Аграфена.

Стэф бросил на нее рассеянный взгляд.

— Ты родом из этих мест? — уточнила она.

— Я нет, но мой дед как раз отсюда.

— Тот дед, который Степан? Которому некая Стеша почти сто лет назад написала записку?

— Да.

— Очень романтично! — восхитилась Аграфена и тут же спросила уже совсем другим, деловым, тоном: — А с чего ты взял, что записка адресована твоему деду? Как ты это понял?

— Ага, хотелось бы конкретики! — поддакнул Арес. — На каком этапе ты решил, что записка предназначалась не какому-то абстрактному Степе, а именно твоему деду?

— На каком этапе? — Стэф ненадолго задумался, а потом ответил: — Увидев фляжку, я сразу понял, что это не просто особенная вещь, а моя особенная вещь.

— То есть на аукцион ты пришел специально за ней? — спросил Арес.

— Нет, на аукцион я пришел по привычке. Никогда не знаешь, что можно найти на таких мероприятиях.

— Он коллекционер! — сказала Аграфена с такой гордостью, словно Стэф был не просто коллекционером, а как минимум ее любимым дядюшкой.

— Коллекционер, — согласился Стэф. — Только коллекция у меня специфическая.

— И как ты понял, что эта фляжка для тебя особенная? — не унимался Арес.

Он до сих пор не мог взять в толк: как умудрился облажаться с предпродажной подготовкой, почему не заглянул внутрь фляги.

— Ну, увидел и как-то понял. А потом взял ее в руки и убедился окончательно, — сказал Стэф.

— Ты ж не открывал флягу на аукционе. Я за тобой следил.

— Не открывал. Открыл уже дома.

— И нашел записку абстрактной Стеши абстрактному Степану?

— Да.

— А дальше? Как ты понял, что они не абстрактные? — Это уже не выдержала Аграфена. Ей тоже было интересно.

— То, что записка важна для меня, я понял почти сразу. А что Степа и Стеша не абстрактные, я догадался, когда ты, Арес, назвал место, где нашел флягу.

— И всю дорогу молчал? — укорил его Арес.

— А должен был сразу же рассказать тебе про особенные вещи? — Стэф глянул на него с ироничной усмешкой. — И ты бы поехал со мной после этого?

— Если бы ты сразу раскрыл свое инкогнито, поехал бы вообще без вопросов!

— Так неинтересно. — Стэф поскреб бородень.

— А кто она такая, эта Стеша? — спросила Аграфена. Похоже, слушать про людей ей было интереснее, чем про какие-то артефакты. В этом Арес был с ней не согласен, но перебивать не стал, наострил уши. — Она твоя... бабушка?

— Афиногена, ну ты даешь! — Арес хлопнул себя по коленкам, хотя хотелось хлопнуть ее. — Как она могла быть его бабкой, если пропала во время войны?! — Он перевел взгляд на Стэфа и уточнил: — Она же пропала?

— И что помешало бы ей пропасть после рождения ребенка? — резонно возразила Аграфена. — Мало ли какие там были обстоятельства!

— Она не моя бабка, — Стэф покачал головой. — Мой дед был женат всего один раз и точно не на ней.

— Тогда кто она такая? — не унималась Аграфена.

— Думается мне, что она была его первой любовью. В сорок первом его не взяли на фронт из-за слишком юного возраста. Мой дед тогда был моложе, чем вы сейчас. Какое-то время он был в подполье, участвовал в диверсии на железной дороге, получил ранение, чудом выжил. Он о ней почти никогда не рассказывал.

— О ком? О Стеше? — спросила Аграфена. Ее синие глазюки затуманились то ли от выпитого вина, то ли от нахлынувших сантиментов.

— Да, — Стэф кивнул. — Мне кажется, дед не хотел расстраивать бабушку. Он ее очень любил. Но пару раз все же обмолвился, что жизнь ему спасла девушка по имени Стефания. Была она то ли медсестрой, то ли доктором. Дед не вдавался в подробности, а я был слишком мал, чтобы интересоваться такой древней историей.

— И романтического подтекста не уловил, — сказала Аграфена шепотом.

Стэф мотнул головой.

— Я даже сейчас не уверен, что романтический подтекст был.

— Но ты ведь навел справки? Не может быть, чтобы не навел! — Аграфена посмотрела на него с недоверием.

— Справки навел, но толком ничего не узнал. Точно известно одно — она не местная. Имя довольно редкое. Я пробил его по здешним архивам. А свидетелей, как вы понимаете, уже практически не осталось. Эта Стеша словно из ниоткуда взялась! Из ниоткуда взялась и в никуда исчезла.

— А где они встретились с твоим дедом? — спросила Аграфена задумчиво. — Ну, где она ему жизнь спасла? Он рассказывал?

Стэф задумался, а потом как-то не слишком уверенно ответил:

— На болоте, наверное. Он с товарищами прятался на болоте от немцев.

— Просто на болоте? — в голосе Аграфены послышалось сомнение. — Знаешь, наше болото не располагает к прогулкам. И никогда не располагало. Местные после захода солнца туда вообще не суются.

— Он говорил про какой-то домик. Охотничий домик на болоте. — Стэф замолчал, нахмурился.

— Уж не тот ли это домик, который ты видел? — спросил Арес.

— Где видел? — встрепенулась Аграфена. — Ты был в домике на болоте?

Стэф покачал головой.

— В реальной жизни нет. Только во сне.

— У тебя еще и сны вещице! — без тени сарказма в голосе восхитилась Аграфена. Аресу даже стало обидно, что все восторги сегодня вечером достаются исключительно Стэфу.

— До недавнего времени ничего похожего за собой не наблюдал. Так что там с домиком? Есть такой?

— Есть, — Аграфена кивнула. — Но далеко отсюда, в глубине болота.

— И ты там была?

— Нет, но мне про него рассказывали.

— Кто?

Аграфена бросила полный сомнения взгляд на Ареса. Он подмигнул ей ободряюще, и она решилась.

— Маревки. Про домик на болоте мне рассказали маревки.

Стэф удивленно присвистнул и с недоверием в голосе переспросил:

— Маревки? Маленькие твари, которые так и норовят сожрать твой мозг?

— Мой мозг они сожрать не пытались, — сказала Аграфена обиженно. Обижалась она за маревок или за себя, было непонятно. — Со мной они вели себя очень даже прилично. Мы подружились. Не сейчас, а раньше, когда я была еще маленькой. Помнишь, я тебе рассказывала? — Она ткнула Ареса локтем в бок.

— Склерозом пока не страдаю. — Он поморщился, посмотрел на Стэфа. — Агафья их реально видела.

Аграфена фыркнула и залепила ему подзатыльник. Увесистый такой. Видать, сказывались гены папеньки-боксера.

— В детстве я заблудилась на болоте, — на Ареса она принципиально не смотрела, рассказывала только Стэфу. — Ну, не совсем заблудилась, скорее заигралась. И они меня нашли. Их было двое — мальчик и девочка, лет шести-семи. С виду дети как дети, только босые. Но мне тогда, честно говоря, было по барабану, как они одеты. Мы играли, болтали, а потом они вывели меня сюда.

— Сюда — это куда? — уточнил Стэф. — К Змеиной заводи?

— Да.

— А потом? Ты с ними еще встречалась?

— Нет.

— Но про домик они тебе рассказать успели?

— И про домик, и про рыбу-Марь, и про угарников.

— Что за угарники? — спросил Арес. — Про угарников ты мне не рассказывала.

— Я тебе, Павлуша, больше вообще ничего не расскажу! — огрызнулась Аграфена.

— Ишь, мстительная какая. Мстительная и обидчивая!

— А ты дурак!

— Хорош, ребята, — осадил их Стэф мягко, но таким тоном, что препираться расхотелось. — Феня, расскажи, что за угарники?

— Персонажи местного фольклора. Фольклор у нас богатый, если вы еще не заметили. — Аграфена приосанилась, как сказитель, готовый поведать благодарным слушателям удивительную сказку.

— Мы заметили, — заверил ее Арес. Ему очень не хотелось, чтобы голос звучал заискивающе, но явно не получилось. Уж больно интересно было узнать про угарников. — Кстати, твои маревки нами чуть не поужинали.

— Тобой-то, по ходу, точно перекусили! — фыркнула Аграфена. — Стэф, он мозгами всегда был слаб или

только в последнее время? Маревки — они такие. Они мозг едят не буквально, а фигурально...

— Совсем как ты... — огрызнулся Арес.

Стэф отмахнулся от него и спросил у Аграфены:

— Фигурально — это как?

— Фигурально — это значит, что маревки высасывают из человека воспоминания, эмоции и, наверное, самую душу.

— Ты видела, какие зубищи у этих славных детишек?! — снова не удержался Арес.

— Не видела! Я вообще ничего из того, что ты про них рассказывал, не видела! Нормальные они со мной были! Слышишь, ты?

Стэф кинул на Ареса предупреждающий взгляд и задал новый вопрос:

— А как высасывают?

— Ну, как-то! Языки у них очень длинные. Присасываются они этими языками либо к грудной клетке, вот сюда! — Аграфена ткнула себя пальцем в тощую грудь. — Либо сзади к шее.

— А ты откуда знаешь?

— А мне дед Феликс рассказывал. Только я тогда думала, что это просто страшные сказки. Я маревков из его рассказов со своими болотными друзьями вообще долгое время не соотносила.

— У деда был рубец на груди, — сказал Стэф задумчиво. — Круглый след в области грудины, словно от ожога. Он не любил про него рассказывать. Предпочитал говорить про пулевое ранение и Стешу.

— Хочешь сказать, они его тоже того? — спросил Арес.

— Чего того? — возмутилась Аграфена, словно дед Стэфа был и ее дедом. — Если бы его того, то он бы с болота не вышел. А если и вышел, то полным идио-

том. Мне так дед Феликс рассказывал. Он одного такого видел.

— Какого такого? Высосанного маревкой? — спросил Арес.

— Да. Это был партизан... — Аграфена замолчала, а потом вскочила на ноги. — Стэф, это был один из тех мужиков, с которыми твой дед подорвал железную дорогу! Дед Феликс так и сказал тогда: партизан было трое, скрылись они на болоте. Одного, совсем молодого, ранили, и его спасла какая-то... Стеша.

Она замолчала, уставилась на них с изумлением.

— Тебя, похоже, тоже маревки куснули, — сказал Арес сочувственно. — Ты забыла это все, что ли?

— А зачем мне было это помнить? — Аграфена передернула плечами. — Где я, а где партизаны, Павлик? Вот начала вам рассказывать и вспомнила.

— И что с высосанным партизаном? — спросил Стэф. — Что с ним стало?

— Повесили, — сказала Аграфена. — Дед Феликс говорил, что его повесили в назидание остальным. А перед этим пытали. Хотели, чтобы он выдал товарищей. А он не просто их не выдал, а даже слова не вымолвил. И выглядел так... — Она нахмурилась. — Как оболочка без души он выглядел. Так мне дед Феликс рассказывал. И про маревков он мне примерно тогда же поведал.

— Мой дед не был похож на оболочку без души. — Стэф поскреб бороду. — Нормальный он был мужик. Очень крепкий и очень здравомыслящий. Не думаю, что его на болоте куснули. Но в тот домик нам обязательно нужно наведаться.

— Ты думаешь, она там? — почти шепотом спросила Аграфена.

— Кто? — Стэф посмотрел на нее с интересом.